

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 3

Джованни Джакомо Казанова
История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 3
Серия «История Жака
Казановы», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6571540

Аннотация

«Мне 23 года. На следующую ночь я должен был провести великую операцию, потому что в противном случае пришлось бы дожидаться полнолуния следующего месяца. Я должен был заставить гномов вынести сокровище на поверхность земли, где я произнес бы им свои заклинания. Я знал, что операция сорвется, но мне будет легко дать этому объяснение: в ожидании события я должен был хорошо играть свою роль мага, которая мне безумно нравилась. Я заставил Жавотту трудиться весь день, чтобы сшить круг из тринадцати листов бумаги, на которых нарисовал черной краской устрашающие знаки и фигуры. Этот круг, который я называл максимум, был в диаметре три фута. Я сделал что-то вроде жезла из древесины оливы, которую мне достал Джордже Франсиа. Итак, имея все необходимое, я предупредил Жавотту, что в полночь, выйдя из круга, она должна

приготовиться ко всему. Ей не терпелось оказать мне эти знаки повиновения, но я и не считал, что должен торопиться...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джованни Казанова
История Жака Казановы
де Сейнгальт, венецианца,
написанная им самим в
замке Дукс, Богемия, том 3

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Я пытаюсь провести свою магическую операцию. Ужасная буря. Мой страх. Жавотта остается в чистоте. Я бросаю дело и продаю ножны Капитани. Я снова встречаю Джульетту и мнимого графа Сели, ставшего графом Альфани. Я решаю уехать в Неаполь. Меня швыряет на другой путь.

1748 г.

Мне 23 года.

На следующую ночь я должен был провести великую операцию, потому что в противном случае пришлось бы дожидаться полнолуния следующего месяца. Я должен был заставить гномов вынести сокровище на поверхность земли, где я произнес бы им свои заклинания. Я знал, что операция сорвется, но мне будет легко дать этому объяснение: в ожидании события я должен был хорошо играть свою роль магика, которая мне безумно нравилась. Я заставил Жавотту трудиться весь день, чтобы сшить круг из тринадцати листов бумаги, на которых нарисовал черной краской устрашающие знаки и фигуры. Этот круг, который я называл максимус, был в диаметре три фута. Я сделал что-то вроде жезла из древесины оливы, которую мне достал Джордже Франсиа. Итак, имея все необходимое, я предупредил Жавотту, что в полночь, выйдя из круга, она должна приготовиться ко всему. Ей не терпелось оказать мне эти знаки повиновения, но я и

не считал, что должен торопиться.

Предупредив ее отца Джордже и Капитани, чтобы были на балконе, как для того, чтобы быть готовыми выполнять мои распоряжения, если я позову, так и для того, чтобы помешать домашним выходить посмотреть, что я буду делать, я облачился во все дурацкое одеяние: я надел большой балахон, которого касались только чистые руки девственной Жавотты, затем распустил свои длинные волосы, надел на голову семиконечную корону, на плечи – круг *максимус* и, зажав в одной руке жезл, а в другой – тот самый нож, которым Св. Петр отсек когда-то ухо Малху, я спустился во двор и, разостлав на земле *максимус* и обойдя его вокруг три раза, запрыгнул внутрь.

Посидев так на корточках две-три минуты, я поднялся, оставаясь недвижимым и глядя на черную большую тучу, поднимающуюся на горизонте с востока, и слушая сильные раскаты грома, доносящиеся с той же стороны. Как было бы замечательно, если бы я мог это предвидеть! Раскаты нарастали по мере того, как туча приближалась, не оставляя на небосклоне сзади себя ни проблеска света, в то время как вспышки молний делали ужасную ночь более светлой, чем день.

Происходящее было вполне естественно, у меня не было ни малейшего повода удивляться, но, несмотря на это, пробравший меня страх заставил желать оказаться в своей комнате, и я дрожал, слыша и наблюдая молнии, возникающие с

нарастающей частотой. Их зигзаги, окружая меня, леденили мне кровь. В ужасе, охватившем меня, я был убежден, что молнии, окружающие меня, не поражают меня только потому, что не могут проникнуть внутрь круга. Из-за этого я не решался выйти из него, чтобы спастись. Без этого ошибочного предположения, пришедшего мне в голову от страха, я не остался бы на месте и минуты, и мое бегство открыло бы Франсиа и Капитани, что я совсем не магик, а просто жулик. Сила ветра, ужасные порывы, страх вместе с холодом заставляли меня дрожать как лист. Мои убеждения, которые я полагал способными выдержать все, улетучились. Я столкнулся с Божественным мстителем, который настиг меня, чтобы воздать мне за все мои злодеяния и положить конец моему неверию, наказав смертью. В бесполезности моего раскаяния меня убеждало то, что я оказался фактически обездвижен.

Но вот начался дождь, я не слышал больше грома, не видел вспышек молний, и я почувствовал, как возвращается моя смелость. Но что за дождь! Это был падающий с неба поток, который все бы затопил, если бы продлился более четверти часа. Но дождь кончился, и не стало ни ветра, ни тмени. Небо без единой тучки явило мне посередине луну, более прекрасную, чем всегда. Я вышел из круга и, приказав двум друзьям идти спать, не говоря мне ни слова, пошел к себе в комнату, где с первого взгляда увидел Жавотту, столь красивую, что она внушила мне страх. Не глядя на нее, я дал ей вытереть меня и жалким тоном приказал идти спать в

свою кровать. Она сказала мне на другой день, что я дрожал, несмотря на летнюю жару, и напугал ее.

После восьмичасового сна я почувствовал, что сыт этой комедией. При появлении Жавотты я был удивлен, что она мне показалась другой. Она не представлялась мне больше существом другого пола, я не чувствовал себя иным, чем она. Мне пришла в голову суеверная идея, что состояние невинности этой девочки находится под защитой, и что я буду поражен до смерти, если осмелюсь на него покуситься. При таком своем решении я видел только, что ее отец Франсиа будет менее обманут, а она менее несчастна, по крайней мере с ней не случится того, что произошло с бедной Люсией из Пасеан.

После того, как Жавотта стала в моих глазах орудием божественного гнева, я решил тут же уехать. Мое бесповоротное решение было вызвано страхом, паническим, но вполне разумным. Несколько крестьян могли видеть меня в круге и, решив, что буря была вызвана моими магическими действиями, могли обвинить меня перед Инквизицией, которая, не теряя времени, завладела бы моей персоной. Устрашенный этой возможностью, пагубной для меня, я позвал в свою комнату Франсиа и Капитани и сказал им в присутствии Жавотты, что должен отложить операцию в силу соглашения, которое я заключил с семью гномами, охраняющими сокровище, в силу чего они дали мне отчет обо всем, что меня интересовало. Этот отчет я представил Франсиа в виде следующего

письма, подобное которому я передал Капитани в Мантуе:
– Сокровище, которое хранится здесь на семнадцать с половиной туазах под землей, лежит уже шесть веков. Оно состоит из алмазов, рубинов и изумрудов и ста тысяч ливров золотого песка. Все это заключено в сундуке, который Годфрид Бульонский захватил у Матильды графини Тосканской в году 1081, когда хотел помочь императору Генриху IV выиграть битву против этой принцессы. Он закопал это сокровище здесь, где оно и находится до сих пор, прежде чем идти осаждать Рим. Григорий VII, который был великим магом, узнал, где зарыт сундук, и вознамерился его выкопать сам, но умер, прежде чем смог осуществить свой проект. В году 1116, когда умерла графиня Матильда, Гений гномов, который ведает зарытыми сокровищами, назначил этому семь стражей.

Выдав ему эту записку, я предложил ему на выбор ждать меня, либо довериться тому, кто даст ему описание сокровища, совпадающее с тем, что я ему даю. Я сжег корону и круг, велел ему сохранять остальное до моего возвращения, и отправил немедленно Капитани в Чезену ждать в почтовой гостинице человека, которого Франсиа отправит туда со всем нашим добром.

Видя Жавотту безутешной, я отвел ее в сторону и заверил, что она меня увидит через какое-то время. Было особой деликатностью с моей стороны, что я счел себя обязанным сказать ей, что ее девственность отныне не является необ-

ходимой для извлечения сокровища, она свободна и вольна выйти замуж, если представится случай.

Я отправился пешком в Чезену и в гостиницу, где нашел Капитани, решившего вернуться в Мантую после заезда на ярмарку в Луго. Он сказал мне, проливая слезы, что его отец будет безутешен, увидев его вернувшимся без ножа Св. Петра. Я предложил ему вернуть нож вместе с ножнами, если он хочет купить их за пятьсот римских экю, которые значатся в векселе, который он мне передал. Сочтя эту сделку очень выгодной, он сразу согласился, и я вернул ему вексель. Я дал ему подписать расписку, согласно которой он обязуется вернуть мне мои ножны, когда я верну ему эту сумму в 500 римских экю. Я не знал, что делать с этими ножнами, и не нуждался в деньгах, но мне казалось, что отдать их ему просто так было бы стыдно и означало, что я не придаю им никакого значения. Так сложилось, что мы увиделись лишь спустя долгое время, и когда я оказался не в состоянии отдать ему 250 цехинов. По этому случаю моя шалость привела к тому, что я выручил эту сумму, не огорчая Капитани, потому что, имея ножны, он считал себя хозяином всех кладов на территории Папского государства.

Капитани выехал на другой день, и я, в свою очередь, отправился бы в Неаполь не теряя времени, если бы не случилось так, что мне пришлось изменить свои планы.

Хозяин театра дал мне отпечатанный листок, на котором объявлялось для публики о четырех представлениях Дидо-

ны Метастазіо на театре Спада. Я прочитал список актеров и актрис и, увидев, что никого не знаю, решил остаться, чтобы посмотреть первое представление, и выехать назавтра на рассвете в почтовой карете. Некоторый страх Инквизиции не заставил меня торопиться; и вообще, мне казалось, что волков бояться – в лес не ходить¹.

Я вошел в зал до начала представления и увидел одевающихся актрис, и среди них премьершу, на мой взгляд, довольно привлекательную. Она была из Болоньи и ее звали Наричи. Отвесив реверанс, я спросил ее, хозяйка ли она себе; она ответила, что ангажирована антрепренерами Рокко и Ардженти. Я спросил далее, есть ли у нее любовник, на что она ответила, что нет; я предложил ей, в тон, себя, что она восприняла со смехом; она предложила мне взять за два цехина четыре билета на четыре представления. Я дал два цехина, взял четыре билета девочке, которая ее причесывала, более симпатичной, чем она. После этого я ушел; она меня окликнула, но я не обернулся. Я вышел из дверей, взял билет в партер и пошел садиться. После первого балета, найдя все плохим, я хотел уйти, когда увидел в большой ложе, к моему великому удивлению, венецианца Манцони с Джульеттой *Ла Камаччи*, которую читатель, возможно, помнит. Видя, что меня не заметили, я спрашиваю у соседа, кто эта дама, которая блистает ярче, чем ее бриллианты. Он отвечает, что это мадам Кверини, венецианская дама, которую генерал

¹ il me semblait déjà d'avoir des mouches à mes troussees

граф Бонифацио Спада, хозяин театра, которого я вижу рядом с ней, привез из Болоньи и из Фаенцы, своей родины. Счастливым узнать, что г-н Кверини наконец женился, я и не подумал подойти. Я должен был бы титуловать его Сиятельством, а я этого не хотел; я не хотел быть узнан, а кроме того, я мог бы быть плохо принят. Читатель может вспомнить наши трения, когда она захотела, чтобы я одел ее аббатом.

Однако в тот момент, когда я собрался уйти, она меня замечает и окликает из-под веера. Я подхожу и говорю ей тихо, что, не желая быть узнанным, я зовусь Фарусси. Г-н Манцони говорит мне также тихо, что я говорю с м-м Кверини. Я отвечаю, что знаю об этом из письма, полученного мной из Венеции.

Джульетта, в свою очередь, присваивает мне тут же титул барона и представляет графу Спада. Этот сеньор зовет меня в свою ложу и, узнав, откуда и куда я направляюсь, приглашает на ужин.

Десять лет назад он был другом Джульетты в Вене, когда августейшая Мария-Терезия, видя дурное влияние ее прелестей на нравы, велела ей уехать. Она возобновила с ним знакомство в Венеции, откуда пригласила вместе с собой в поездку в Болонью; г-н Манцони, ее давний *любовник-для-души* (*guerluchon*), рассказавший мне все это, сопровождал ее, чтобы иметь возможность дать отчет о ее хорошем поведении г-ну Кверини. В Венеции она хотела, чтобы все считали, что они тайно женаты; но в пятидесяти лье от родины она не

считала обязательным соблюдать секрет. Генерал представлял ее теперь всей знати Чезены как м-м Кверини Папоцце. Г-н Кверини, впрочем, был неправ, ревнуя ее к генералу, поскольку это было давнее знакомство. Женщины считают, что любой последний по счету любовник, проявляющий ревность по отношению к прежним знакомым, – последний дурак. Джульетта сразу позвала меня, опасаясь моей нескромности, но видя, что я должен опасаться того же с ее стороны, успокоилась. Я, впрочем, стал обращаться к ней со всей обходительностью, которой она была достойна.

Я нашел у генерала большую компанию и довольно симпатичных женщин. Я напрасно искал Джульетту: г-н Манцони сказал, что она сидит за столом игры в фараон, где проигрывает свои деньги. Я направляюсь туда и вижу ее сидящей слева от банкира, который при виде меня бледнеет. Это был так называемый граф Сели. Он предлагает мне «книжечку»², от которой я вежливо отказываюсь, соглашаясь одновременно с предложением Джульетты войти в игру с нею пополам. Перед ней лежит пятьдесят цехинов, я докладываю свои пятьдесят и сажусь рядом с ней. К концу тальи она спрашивает у меня, знаю ли я банкира, и я понимаю, что они знакомы; я отвечаю, что нет, И дама, сидящая слева от меня, говорит, что это граф Альфани. Полчаса спустя м-м Кверини, которая проигрывает, объявляет «семь к сдаче» и идет на десять цехинов. Это смело. Я встаю и фиксирую глаза на руках бан-

² карту для игры – прим. перев.

кера; но это неважно: он открывается, и карта мадам бита. В этот момент подходит генерал и зовет ужинать, она уходит, бросив на столе остаток своего золота. К десерту она возвращается к игре и проигрывает все.

Забавные истории, которыми я оживляю этот ужин, доставляют мне симпатии всей компании, но, главным образом, генерала, который, слыша, что я направляюсь в Неаполь единственно ради любовного каприза, стал уговаривать меня провести месяц с ним, пожертвовав ради него этим капризом; однако его уговоры были тщетны, поскольку, с опустошенным сердцем, мне не терпелось увидеть перед собой Терезу и даму Лукрецию, прелестные лица которых я по истечении пяти лет представлял себе лишь смутно. Я согласился, однако, оказать ему любезность и остаться в Чезене на те четыре дня, что он решил там побыть.

На другой день, в то время, как меня причесывали, я увидел этого труса Альфани. Я встретил его с улыбкой, говоря, что жду его. Он ничего мне не ответил при парикмахере, но как только тот ушел, спросил, зачем я жду.

– Затем, что вы, возможно, сразу же вернете мне сто цехинов.

– Ну вот полсотни. Вы не можете требовать больше.

– Я возьму их в зачет; но предупреждаю вас, что из чувства гуманизма вы не должны этим вечером появляться у генерала, потому что вас там не примут, я позабочусь об этом.

– Надеюсь, что прежде чем так дурно поступить, вы по-

думаете.

– Я уже подумал. Быстро, идите вон.

Что могло также заставить его уйти, был визит первого кастрата оперы, который пришел пригласить меня обедать к Ла Наричи. Это приглашение заставило меня рассмеяться, я согласился. Его звали Николас Перетти, считалось, что он побочный сын Сикста-Квинта³. Мы поговорим об этом шуте, когда я окажусь в Лондоне, через пятнадцать лет после этой эпохи.

Придя к Наричи на обед, я вижу графа Альфани, который, разумеется, не ожидал меня здесь увидеть. Он попросил выслушать пару слов наедине.

Если я дам вам еще пятьдесят цехинов, – сказал он, – вы, как благородный человек, не можете взять их у меня иначе, чем для того, чтобы отдать их м-м Кверини, а вы можете отдать их ей только, если скажете, что вы обязали меня отдать их себе. Таковы обстоятельства.

– Я отдам их ей, когда вас здесь не будет, а пока я буду сдержан; но берегитесь исправлять фортуна в моем присутствии, потому что я сыграю с вами дурную шутку.

– Удвойте мой банк, и будете иметь половину.

Это предложение заставило меня рассмеяться. Он дал мне пятьдесят цехинов, и я сказал, что буду молчать. Компания у Наричи состояла из большого числа молодых людей, которые после обеда проиграли все свои деньги. Я не играл. Игра

³ один из пап

меня не привлекала, потому что я был более стоек, чем другие. Оставаясь зрителем, я увидел, насколько Магомет был прав, запретив в своем Коране азартные игры.

После оперы состоялся банк, я играл и проиграл две сотни цехинов, но мог жаловаться только на фортуны. М-м Кверини выиграла. Назавтра перед ужином я ее почти разорил и после ужина пошел спать.

На следующее утро, в последний день моего там пребывания, я наблюдал у генерала, как его адъютант бросил ему карты в нос, и он должен был после полудня объясниться с ним или обменяться ударами шпаги. Я пошел в его комнату, чтобы составить ему компанию, заверяя в то же время, что дело не стоит пролития крови. Он поблагодарил меня, и, придя на обед, сказал мне, смеясь, что я был прав. Граф Альфари уехал в Рим. Я сказал честной компании, что сам составлю им банк. Но вот что м-м Кверини мне ответила, когда, увидевшись с ней тет-а-тет я хотел отдать ей пятьдесят цехинов, которые, по совести, был ей должен, рассказав при этом, каким образом заставил негодяя их мне вернуть.

– С помощью этой басни, – сказала мне она, – вы хотите сделать мне подарок в пятьдесят цехинов; но знайте, что я не нуждаюсь в ваших деньгах, и я не такая, чтобы опуститься до воровства.

Философия запрещает мудрому раскаиваться в совершении доброго дела, но позволяет сердиться, когда злая интерпретация придает этому делу видимость мерзости.

После оперы, где давали последнее представление, я держал банк у генерала, как и обещал ему, и немного проиграл; все меня любили. Это гораздо приятней, чем выигрывать, если над игроком не довлеет нужда и он не слишком падок до денег. Граф Спада звал меня пойти с ним к Бризигелле, но безуспешно, потому что мне не терпелось ехать в Неаполь. Я обещал повидаться с ним еще завтра за обедом.

На другой день, рано утром, я проснулся от необычайного шума в зале, почти перед дверью в мою комнату. Через минуту я услышал шум в соседней комнате. Я вскакиваю с кровати и быстро открываю дверь, чтобы взглянуть, что происходит. Я вижу банду сбиров⁴ в открытых дверях комнаты и вижу там сидящего в постели мужчину с приятным лицом, который кричит на латыни на этих каналов и на хозяина, находящегося там, который посмел открыть его дверь. Я спрашиваю хозяина, что происходит.

– Этот господин, – отвечает он, – который, по-видимому, говорит только по-латыни, лег с девушкой, и стражники епископа пришли выяснить, жена ли она ему – все очень просто. Если она жена, то ему нужно будет показать им какой-нибудь сертификат, и это все, но если нет – придется ему пойти вместе с ней в тюрьму; но этого не случится, поскольку я берусь уладить дело миром с помощью двух-трех цехинов. Я поговорю с их начальником, и все эти люди уйдут. Если вы говорите на латыни, зайдите и заставьте его внять резонам.

⁴ стражников – *ит.*

– Кто взломал дверь комнаты?

– Ее не взломали – это я открыл ее, это моя обязанность.

– Это обязанность вора с большой дороги.

Возмущенный таким безобразием, я не мог устраниваться от вмешательства. Я вхожу и объясняю мужчине в ночном колпаке все обстоятельства этой неприятности. Он отвечает мне, смеясь, что, во-первых, они не могут знать, что персона, лежащая с ним – девушка, так как они видели ее только одеждой по-мужски, и во-вторых, он считает, что никто в мире не имеет права требовать отчета, жена это его или любовница, если допустить, что существо, лежащее с ним, действительно женщина.

– Впрочем, – говорит он, – я твердо решил не платить ни гроша для прекращения этого дела и не сойти с кровати, пока не закроют мою дверь. После того, как я оденусь, я покажу вам красивое завершение этой пьесы. Я прогоню всех этих негодяев ударами сабли.

Я вижу в углу комнаты саблю и венгерскую одежду, по видимости – униформу. Я спрашиваю, не офицер ли он, и он отвечает, что записал свое имя и звание в книге регистрации отеля. Удивленный необычностью ситуации, я спрашиваю у хозяина, и он отвечает, что так и есть, но это не мешает церковной власти затеять этот скандал.

– Обида, которую вы собираетесь им нанести, – говорю я этому офицеру, – вам будет дорого стоить.

На этот довод они рассмеялись мне в лицо. Задетый на-

смешкой этих каналов, я спрашиваю у офицера, может ли он дать мне свой паспорт; он отвечает, что, имея два, может дать мне один, и, говоря так, достает его из портфеля и дает мне прочитать. Документ был от кардинала Албании. Я вижу имя офицера, звание капитана венгерского полка императрицы. Он говорит мне, что едет из Рима и направляется в Парму, чтобы передать г-ну Дюттийо, премьер-министру инфанта, герцога Пармского, пакет, который доверил ему кардинал Александро Альбани.

В это время входит в комнату мужчина и просит сказать на латыни этому господину, что он хочет ехать, он не может ждать, и чтобы тот либо уладил дело с полицейскими, либо заплатил ему. Это был кучер.

Это был очевидный сговор; я попросил офицера доверить мне все это дело, заверив, что разберусь со всем по чести. Он говорит, чтобы я поступил, как считаю нужным. Я говорю кучеру, чтобы принес багаж месье, и что он получит свои деньги. Он приносит багаж, получает от меня восемь цехинов и дает квитанцию офицеру, который говорит только по-венгерски, по-немецки и на латыни. Кучер уходит, сбирьы – тоже, за исключением двоих, которые остаются в зале.

Я советую офицеру не вылезать из постели до моего возвращения. Я говорю, что иду поговорить с епископом и объяснить, что тому придется принести очень серьезные извинения. Офицер в этом не сомневается, когда узнает от меня, что в Чезене находится генерал Спада: он говорит, что зна-

ком с ним, и если бы он знал, что генерал здесь, то пристрелил бы хозяина гостиницы, который открыл сбирам дверь его комнаты. Я быстро одеваюсь в редингот и, не расплетая своих папильоток, направляюсь к епископу; наделав там шума, я велю проводить меня в комнату епископа. Лакей мне говорит, что тот еще в постели, но, не имея времени ждать, я захожу и выкладываю прелату всю историю, крича о незаконности таких действий и ругая полицию, попирающую права наций.

Он не отвечает. Он вызывает слугу и велит выпроводить меня в канцелярию.

Я снова повторяю сквозь зубы ему всю историю, используя выражения, способные лишь вызвать гнев, а не добиться милости. Я угрожаю, я говорю, что на месте этого офицера потребовал бы решительной сатисфакции. Священник улыбается и, спросив, не болен ли я лихорадкой, предлагает пойти поговорить с начальником сбиров.

Видя, что он разозлился, и что дело дошло до того, что лишь авторитет генерала Спада может и должен покончить со всем этим к чести оскорбленного офицера и посрамлению епископа, я направляюсь к генералу. Мне говорят, что он доступен только после восьми часов, и я возвращаюсь в гостиницу.

Могло показаться, что рвение, с которым я взялся за это дело, происходило из-за моей учтивости, которая не могла допустить, чтобы так обращались с иностранцем, но моя го-

рячность была вызвана гораздо более мощным мотивом: меня очень заинтересовала девица, лежащая с ним; мне не терпелось увидеть ее лицо. Стыдливость не позволяла ей высунуться наружу. Она меня слышала, и я был уверен, что понравился бы ей.

Дверь его комнаты была открыта, я вошел и отчитался офицеру обо всем, что сделал, заверив, что сегодня же днем он сможет уехать за счет епископа, получив с помощью генерала полную сатисфакцию. Я объяснил, что смогу увидеться с генералом только в восемь часов. Он изъявил мне свою признательность; он сказал, что уедет только завтра, и что отдаст мне восемь цехинов, заплаченных мной кучеру. Я спросил, из какой страны его спутник, и он ответил, что он француз, и что он не понимает другого языка, кроме французского.

– Ну а вы понимаете по-французски?

– Ни слова.

– Замечательно. Вы говорите между собой только жестами?

– Точно.

– Я вам сочувствую. Могу я надеяться позавтракать с вами?

– Спросите у него, хочет ли он.

Я адресую спутнику свою просьбу и вижу высунувшуюся из-под одеяла растрепанную головку, смеющуюся, свежую и соблазнительную, которая не оставляет сомнения в своей

половой принадлежности, несмотря на мужскую прическу.

Очарованный этим прекрасным появлением, я говорю ей, что заинтересовался ею, еще не видя, и ее появление лишь усилило мое желание быть ей полезным и мое рвение. Она вернула мне комплимент самым прекрасным образом, со всем остроумием своей нации. Я вышел, чтобы распорядиться о кофе, и чтобы дать ей возможность сесть, потому что решили, что ни тот ни другая не будут выходить из своей комнаты, хотя дверь была открыта.

Когда появился слуга с кофе, я вошел и увидел эту французенку, в голубом рединготе, с волосами, плохо причесанными по-мужски. Я был мгновенно поражен ее красотой. Она выпила с нами кофе, ни разу не перебив офицера, который разговаривал со мной, но которого я не слушал, в восхищении от лица этого существа, которое на меня не глядело, и которому *pudor infans*⁵ моего дорогого Горация мешала произнести хоть слово.

В восемь часов я пошел к генералу и рассказал ему историю, по возможности добавив красок. Я сказал, что если он не исправит положение, офицер сочтет необходимым передать эстафету кардиналу-протектору. Но мое красноречие оказалось ненужно. Граф Спада, прочтя паспорт, сказал, что придаст этой буффонаде характер дела наибольшей значимости. Прежде всего, он велел своему адъютанту отправиться в почтовую гостиницу и пригласить к обеду офицера и

⁵ «Стыдливость ребенка» – Гораций, *Сат.* 6, 57

его спутника, о котором никто не мог знать, девушка ли это или нет, и немедленно пойти к епископу и известить его, что офицер не намерен уезжать прежде, чем не получит сатисфакцию в той форме, которая его устроит, и сумму денег в возмещение ущерба.

Какое удовольствие для меня было стать свидетелем этой прекрасной сцены, за которой я, полный тщеславия, наблюдал как автор!

Адъютант, предводительствуемый мной, представился венгерскому офицеру, вернул ему его паспорт и пригласил пообедать вместе со своим спутником у генерала; затем он предложил ему написать, какого рода сатисфакцию он желает получить, и в какую сумму он оценивает ущерб от потерянного времени. Я быстренько зашел к себе в комнату и принес ему перо и бумагу, и он коротко и достаточно хорошей для венгра латынью написал все это. Сбиры испарились. Этот добрый капитан захотел потребовать только тридцать цехинов, вопреки тому, что я ему советовал потребовать сотню. В требовании сатисфакции он также был весьма умерен. Он захотел, чтобы хозяин и все сбиры попросили у него прощения в зале на коленях, в присутствии адъютанта генерала. В противном случае, если это не будет исполнено в течение двух часов, он отправит эстафету в Рим кардиналу Александру и останется в Чезене до получения ответа, за счет хозяина гостиницы, из расчета десять цехинов в день.

Адъютант вышел, чтобы отнести епископу это письмо.

Мгновение спустя появляется корчмарь и говорит офицеру, что тот свободен; но он убегает со всех ног, когда офицер заявляет, что должен влепить ему двадцать ударов тростью. На этом я оставляю их и иду в свою комнату, чтобы причесться и одеться перед обедом у генерала.

Час спустя я вижу их у себя, одетыми в униформу. На даме она выглядела причудливо и очень элегантно.

В этот момент я решил отправиться с ними в Парму. Красота этой девушки мгновенно обратила меня в рабство. Ее возлюбленный выглядел лет на шестьдесят, я нашел этот союз весьма неподходящим и рассчитывал, что смогу проверить все полюбовно.

Адъютант вернулся со священником от епископа, который заявил офицеру, что тот получит в течение получаса всю сатисфакцию, которую желает, но он должен удовольствоваться пятнадцатью цехинами, так как дорога до Пармы занимает не более двух дней. Офицер отвечает, что не хочет ничего уступать, и получает тридцать, при том, что отказывается подписывать квитанцию. Так завершается это дело, и замечательная победа, увенчавшая мои усилия, доставляет мне дружбу этой пары. Чтобы убедиться, что это девушка, а никак не мужчина, достаточно взглянуть на ее талию. Любая женщина, полагающая себя красивой, не является таковой, если, облачившись в мужское платье, будет сочтена мужчиной.

Когда ко времени обеда мы вошли в залу, где находился

генерал, он не замедлил представить двух офицеров присутствовавшим там дамам, которые рассмеялись при виде маскарада; но заинтересовались, узнав всю историю, и охотно согласились обедать с героями пьесы. Женщины охотно обращались к молодому офицеру как к мужчине, а мужчины оказывали ему подобающие знаки внимания, как если бы это была женщина. Единственная, кто дулся, была м-м Кверини, поскольку, замечая снижение общего внимания по отношению к себе, чувствовала себя обойденной. Она разговаривала с гостьей только для того, чтобы продемонстрировать свое знание французского языка, которым владела неплохо. Единственный, кто вовсе не разговаривал, был венгерский офицер, поскольку никто не пытался говорить на латыни, а генералу почти нечего было ему сказать на немецком.

Старый аббат, присутствовавший за столом, пытался оправдать епископа, уверяя генерала, что стражники и трактирщик действовали только по приказу Святой Инквизиции. Поэтому, говорил он, в комнатах гостиниц нет замков, чтобы иностранцы не могли запирались. Не разрешается лицам разного пола спать вместе, если они не муж и жена.

Двадцать лет спустя я наблюдал в Испании все номера гостиниц с замками снаружи, так что иностранцы, ночуя там, оказывались как бы в тюрьме.

Глава II

Я покупаю прекрасную коляску и отправляюсь в Парму вместе со старым капитаном и молодой француженкой. Я снова вижу с Жавоттой и дарю ей пару прекрасных золотых браслетов. Мое недоумение относительно спутников. Монолог. Беседа с капитаном. Тет-а-тет с француженкой.

Странно, – говорит м-м Кверини маске, – что вы можете жить вместе, никогда не разговаривая.

– Почему странно, мадам? Мы от этого понимаем друг друга не хуже, потому что слово не необходимо в тех делах, которыми мы занимаемся вместе.

Этот ответ, который генерал перевел на добром итальянском для всей компании за столом, вызвал взрыв смеха, но м-м Кверини повела себя по-ханжески, она сочла его слишком откровенным.

– Я не знаю, – сказала она поддельному офицеру, – дел, для которых слово или, по крайней мере, письмо не является необходимым.

– Извините, мадам. Разве игра не является делом?

– Вы только играете?

– Ничего другого. Мы играем в фараон, и я держу банк.

Все задохнулись от смеха, и м-м Кверини должна была рассмеяться также.

– Но банк, – говорит генерал, – выигрывает ли он по-

многу?

– Ох, вы об этом! Игра настолько по-маленькой, что не стоит и считать.

Никто не дал себе труда перевести этот ответ славного офицера. Ближе к вечеру компания разошлась, и каждый пожелал доброго пути генералу, который уезжал. Генерал пожелал мне также доброго пути до Неаполя, но я сказал, что сначала я хочу повидать Инфанта, герцога Пармы, служа одновременно переводчиком для этих двух офицеров, которые не могут друг друга понимать; он ответил, что если бы он был на моем месте, то поступил бы так же. Я пообещал м-м Кверини сообщать ей свои новости в Болонью, без намерения сдерживать слово. Эта любовница офицера заинтересовала меня, будучи укрытой под одеялом; она мне понравилась, когда высунула голову наружу, и гораздо больше, когда я увидел ее стоящей; но она увенчала дело, продемонстрировав за столом тот сорт ума, который я очень люблю, который редко встретишь в Италии, и часто – во Франции. Ее завоевание не казалось мне трудной задачей, я раздумывал о средствах, которыми я мог бы воспользоваться для этой цели. Полагая себя, без всякого хвастовства, более для нее подходящим, чем тот офицер, я не видел каких-либо препятствий с ее стороны. Мне представлялся в ней один из тех характеров, которые, полагая любовь пустяком, переходят к следующей, в зависимости от обстоятельств, и уступают, и готовы к возможным комбинациям, которые предоставляет случай.

Фортуна не могла предоставить мне более счастливого случая, чем подвернувшаяся возможность стать компаньоном по путешествию этой пары. Я не мог себе представить, чтобы я был отвергнут, наоборот, мне казалось, что моя компания должна быть им очень дорога.

Как только мы вернулись в гостиницу, я спросил у офицера, рассчитывает ли он ехать в Парму на почтовых или в коляске. Он ответил, что, не имея своей коляски, предпочитает ехать на почтовых.

– У меня есть коляска, – говорю я, – очень удобная, в которой я предлагаю вам два места сзади, если мое общество вам не неприятно.

– Это настоящее счастье. Я прошу вас предложить эту прогулку Генриетте.

– Не хотите ли, мадам Генриетта, оказать мне честь сопроводить вас до Пармы?

– Я была бы счастлива, потому что мы могли бы разговаривать; но ваше положение будет нелегким, потому что вам придется часто играть на два фронта.

– Я готов к этому с истинным удовольствием, сожалея лишь, что наше путешествие будет слишком коротким. Мы поговорим об этом за ужином. В ожидании этого, позвольте мне отойти, чтобы закончить некоторые дела.

Дело было в коляске, которая существовала пока только в моем воображении. Я пошел в кафе «Де ла Ноблесс» и спросил там, где можно купить хорошую коляску. Мне сказали,

что есть английская коляска у графа Дандини, которая продается, но которую никто не хочет покупать, потому что она слишком дорогая. За нее хотят двести цехинов, в ней два места и откидное сиденье. Это было то, что я хотел. Я велел отвести себя в каретный сарай, и нашел ее по вкусу; граф ушел ужинать в город, я пообещал купить ее завтра и вернулся в гостиницу, очень довольный. Во время ужина я заговорил с офицером только, чтобы известить его, что мы уезжаем завтра после обеда и что оплачиваем по две лошади каждый. Между мной и Генриеттой происходили долгие диалоги на множество приятных тем, во время которых я открыл в ней ум, совершенно новый для меня, который не ожидал встретить в француженке. Находя ее очаровательной и предполагая в ней авантюристку, я был удивлен, обнаружив в ней чувства, которые, как мне казалось, могли быть только результатом весьма изысканного воспитания; однако я отбросил эту мысль. Каждый раз, когда я пытался завести разговор об офицере, ее любовнике, она уходила от вопроса, но самым милым образом. Единственный вопрос, который я ей задал и на который она сочла обязанной мне ответить, – это что он не является ей ни мужем, ни отцом. Добряк задремал. Когда он проснулся, я пожелал ему спокойной ночи и отправился спать, очень влюбленный и очень довольный этой прекрасной авантюрой, которую счел полной очарования и на которую, я был уверен, у меня хватало денег, и я при этом ни от кого не зависел. Больше же всего меня радовало то, что я

был уверен, что интрига завершится через два-три дня.

На другой день рано утром я отправился к графу Дандини. Проходя мимо лавки ювелира, я купил браслеты из золотых цепочек испанской работы, которые носят в Венеции, по пять аунов длиной и очень тонкой работы. Это был подарок, который я собирался сделать Жавотте.

Граф Дандини, увидев, узнал меня. Он видел меня в Падуге у своего отца, который, когда я учился там в университете, занимал кафедру пандектов. Я купил коляску, которая должна была бы стоить вдвое дороже, с условием, что он отыщет мне шорника, который доставит мне ее в полном порядке к дверям гостиницы к часу после полудня.

Оттуда я направился к Франсиа, где окунулся в радость невинной Жавотты, вручив ей браслеты, прекрасней которых не видела ни одна дочь Чезены. С помощью этого подарка я десятикратно оплатил все затраты, которые понес этот добрый человек за те десять – двенадцать дней, что я жил у него. Но гораздо более значительный подарок я сделал ему, посоветовав ждать меня и не доверять другим магикам в деле извлечения сокровища, даже если ему придется дожидаться меня десять лет. Я заверил его, что при первой же попытке, которую предпримет другой философ, гномы-хранители уведут сокровище на двойную глубину, и что в таком случае, с глубины в тридцать пять туазов, мне будет в десять раз труднее его извлечь. Я сказал ему откровенно, что не могу назвать точное время, когда он меня снова увидит,

но он должен меня ждать, потому что повеление гласит, что его сокровище может быть извлечено только мной. Я сопровождал свое торжественное обещание проклятиями, которые, если он его нарушит, приведут к гибели все его семейство. Таким образом, будучи далек от намерения обмануть этого добряка, я становился его благодетелем. Он со мной больше не встретился, потому что он уже умер, но я уверен, что его наследники меня ждут, потому что мое имя Фаруччи должно остаться бессмертным в этом доме.

Жавотта пошла проводить меня почти до города Чезены, и при сердечных объятиях, которые я ей подарил при прощании, я почувствовал, что воздействие на меня страха молний уменьшается; но я поздравил себя с тем, что не настолько поддался этому злодейскому чувству, чтобы подумать о возвращении. Подарок, который я ей сделал в нескольких словах, был более значителен, чем браслеты. Я сказал ей, что если я не вернусь в течение трех месяцев, она может смело задуматься о том, чтобы найти мужа, не опасаясь того, что ее замужество нанесет ущерб получению сокровища, которое я смогу извлечь, только если великая наука мне это позволит. Пролит несколько слезинок, она заверила меня, что исполнит то, что я ей сказал.

Так закончилось это дело с сокровищем Чезены, в котором, вместо того, чтобы быть обманщиком, я стал героем; но я не смею хвалиться, когда думаю, что если бы я смог заполучить кошелек, полный золота, я бы, смеясь, разорил бед-

ного Франсиа, и я думаю, что любой молодой человек, имея некоторый ум, сделал бы то же самое. Что же касается Капитани, которому я продал ножны от ножа Св. Петра немного слишком за дорого, я не испытываю никаких угрызений совести, и я полагал бы себя самым большим дураком на свете, если бы раскаивался в этом сегодня; потому что сам Капитани думал, что обманул меня, согласившись принять их в залог двухсот пятидесяти цехинов, которые мне дал; а комиссар пушек, его отец, дорожил ими до самой смерти намного больше, чем бриллиантом стоимостью в сотню тысяч экю. Этот человек, умерший, пребывая в этой уверенности, умер богатым, а я умру бедным. Оставляю судить читателю, кто из нас двоих был более счастлив.

Возвратившись в гостиницу, я приготовил все для небольшого путешествия, мысль о котором в тот момент делала меня счастливым. Во всем, что говорила мне Генриетта, я находил все больше очарования, и ее ум увлекал меня еще больше, чем ее красота. Видеть офицера доставляло мне тем большую радость, чем я становился влюбленнее, и мне представлялось очевидным, что девушке не терпится сменить любовника. Я мог быть в этом уверен, не впадая в самодовольство, потому что, помимо того, что в физическом плане у меня было все, что мог бы иметь достойный любовник, чтобы нравиться, у меня была видимость весьма богатого человека, хотя у меня и не было слуг. Я говорил ей, что за удовольствие их не иметь я трачу вдвое, и что, обслуживая се-

бя сам, я всегда уверен, что буду обслужен хорошо; притом, я уверен, что не буду обкраден, и у меня нет шпиона в моем доме. Генриетта прекрасно разделяла мои соображения, и мое грядущее счастье меня пьянило.

Почтенный офицер захотел отдать мне деньги, предназначенные на почтовое сообщение до Пармы. Мы пообедали, велели погрузить и хорошо увязать наши чемоданы и отправились в путь после вежливой дискуссии из-за места возле Генриетты, которое он хотел, чтобы занял я. Он не видел, что откидное место для моей зарождающейся любви было предпочтительней его, но я не сомневался, что Генриетта отлично это видела. Сидя напротив нее, я видел ее, не поворачивая головы, доставляя своим глазам удовольствие, которое, конечно, является наивысшим наслаждением, доступным любовнику в таких условиях.

В обстановке счастья, которое мне представлялось таким большим, я должен был терпеть неудобство. Когда Генриетта говорила забавные вещи, заставлявшие меня смеяться, я, видя огорчение венгра, лишённого возможности тоже посмеяться, чувствовал себя обязанным пересказать суть шутки на латыни, но часто пересказ был так плох, что шутка становилась пресной. Офицер не смеялся, и я чувствовал себя униженным, потому что Генриетта должна была убеждаться, что я не говорю на латыни так же хорошо, как она по-французски, и это было правдой. При изучении всех языков мира последнее, что постигается, это дух языка, и очень часто

шутка выражается на жаргоне. Я начал смеяться при чтении Теренция, Плавта и Марциала только в возрасте тридцати лет.

Из-за необходимости кое-что поправить в моей коляске, мы остановились в Форли. Очень весело поужинав, я со всех ног бросился ложиться в постель в другую комнату. Эта девица дорогой показалась мне столь странной, что я испугался, что она соскочит с кровати своего друга и запрыгнет в мою. Я не знал, как венгр, который показался мне человеком гордым, сможет воспринять такое. Я стремился достигнуть обладания Генриеттой любовно и чинно, мирным и спокойным путем. У этой девицы, кроме мужской одежды, которая была на ней, не было ни одной женской тряпки, даже рубашки. Она меняла их из рубашек своего друга. Это показалось мне внове и странным.

В Болонье в веселье ужина я спросил у нее, в результате какой странной авантюры она оказалась любовницей этого бравого малого, который, к тому же, сошел бы скорее за ее отца, чем за мужа. Она ответила с улыбкой, что я должен его самого попросить рассказать эту часть истории со всеми обстоятельствами и не отклоняясь от истины. Тогда я обратился к нему со своим вопросом, сказав, что она не возражает против рассказа. Лишь после того, как я заверил его в том, что ее это не огорчит, и повторив, что он должен рассказать все-все, он начал:

– Один офицер из моих друзей в Вене имел поручение в

Риме. Я взял отпуск на шесть месяцев и отправился с ним. Я решил воспользоваться случаем увидеть великий город, рассчитывая, что латынь должна там быть по меньшей мере так же распространена, как и в Венгрии. Но я был весьма разочарован, потому что даже среди церковников мало кто владел этим языком, да и то плохо. Те, кто его знал, могли только писать и читать, правда, владели латынью во всей ее чистоте.

– По истечении месяца кардинал Александр Альбани передал моему другу депеши для доставки в Неаполь, и мы разделились; но перед своим отъездом друг рекомендовал меня кардиналу, охарактеризовав настолько хорошо, что это преосвященство сказал мне, что через несколько дней даст мне пакет с письмом, адресованным г-ну Дютийо, министру Инфанта, нового герцога Пармы, Пьяченцы и Гасталлы, оплатив, естественно, поездку. Имея намерение осмотреть порт, который древние называли *Centum cilla* и который называется теперь Чивитавеккиа, я воспользовался свободным временем и отправился туда со своим *чичероне*, говорящим на латыни.

Находясь в порту, я увидел сошедшего с тартаны старого офицера с этой девицей, одетой, как вы видите. Она меня поразила. Но я не мог и подумать, что этот офицер придет поселиться не только в той же гостинице, что и я, но в комнате, расположенной таким образом, что через свои окна я видел все внутри их комнаты. Я увидел в тот же вечер эту

девицу ужинающей с офицером и не обменивающейся, по-видимому, с ним ни словом. К концу ужина я вижу девицу встающей из-за стола и удаляющейся, в то время как офицер не отрывает глаз от от письма, которое читает. Четверть часа спустя он закрывает окна, и, видя комнату погруженной в темноту, я решаю, что он пошел спать. На завтра утром я вижу, как он уходит, и девица, оставшаяся одна в комнате, с книгой в руках, в том же виде, интересуется меня еще больше. Я выхожу и час спустя, зайдя обратно, вижу офицера; он говорит с ней, а она в ответ бросает лишь одно – два слова с очень грустным видом. Офицер снова выходит. Тогда я говорю моему *чичероне* пойти сказать этой девице, одетой офицером, что если она сможет дать мне свидание на часок, я дам ей десять цехинов. Выполнив тут же поручение, он возвращается и говорит, что она ответила по-французски, что, съев кусочек, она отправляется в Рим, и что в Риме мне будет легко узнать, как бы я мог с ней переговорить. Мой *чичероне* заверил меня, что он легко узнает у ее кучера, где она остановится. Она уехала после завтрака, с тем же офицером, а я уехал на другой день.

Два дня спустя после моего возвращения в Рим я получил от кардинала пакет, письмо к г-ну Дийо и паспорт с деньгами на поездку, без необходимости торопиться. В соответствии с этим я нанял коляску до Пармы за восемь цехинов.

На самом деле я больше не думал об этой девушке, когда накануне моего отъезда мой *чичероне* мне сказал, что

он знает, где она живет вместе с тем же офицером. Я поручаю ему снова попытаться сделать ей то же предложение, известив, что я уезжаю послезавтра и следует поторопиться с этим дельцем. Он ответил мне в тот же день, что она ему сказала, что, зная час моего отъезда и ворота, через которые я отправляюсь, она будет на моем пути в двухстах шагах от города, и, если я буду один, она смогла бы сесть в мою коляску и мы сможем поболтать какое-то время.

Сочтя это предложение замечательным, я назвал ему время и место за воротами *Porta del Popolo* около моста *Ponte Molle*.

Она точно сдержала свое слово. Когда я ее заметил, я приказал остановиться, и она оказалась около меня, говоря, что у нас много времени, чтобы поговорить, потому что она решила пообедать со мной. Вы не можете себе представить, сколько усилий я потратил, чтобы ее понять, и сколько она – чтобы я понял. Все происходило с помощью жестов. Я согласился с ней, и с большим удовольствием.

Мы пообедали вместе, и она оказывала мне все любезности, каких я мог бы пожелать, но она меня слегка удивила, так как отказалась от десяти цехинов, которые я хотел ей вручить, дав мне понять, что предпочитает лучше ехать со мной в Парму, где должна кое-что сделать. Сочтя эту авантюру себе по вкусу, я согласился, опасаясь только, не имея возможности ей это объяснить, что, если дело обернется таким образом, что мне придется срочно возвращаться в Рим, я

не смогу гарантировать ей исполнения ее пожеланий; я опасался также, что при взаимном языковом непонимании я не смогу в достаточной мере ее развлечь и сам, со своей стороны, не получу удовольствия от ее придумок. По этой же причине я не могу объяснить вам суть ее дел. Все, что я знаю, это то, что она желает называться Генриеттой, что она не может быть никем иным, как француженкой, что она нежна как первоцвет, что она получила, по-видимому, очень хорошее воспитание, хорошо себя чувствует и что обладает умом и смелостью, как можно судить по тем образчикам, что она дала мне в Риме и вам в Чезене за столом у генерала. Если она захочет рассказать вам свою историю и разрешит вам пересказать ее для меня по-латыни, скажите, что она доставит мне большое удовольствие, потому что я стал очень быстро ее добрым другом. Я чувствую, в самом деле, большое беспокойство, потому что мы должны будем расстаться в Парме. Скажите ей, что я дам ей, кроме десяти цехинов, что я ей должен, еще тридцать, которые без нее я бы никогда не получил от епископа Чезены. Скажите, что если бы я был богат, я дал бы ей гораздо больше. Прошу вас объяснить ей это на ее языке.

Спросив ее, хочет ли она, чтобы я перевел ей все, что услышал, с наибольшей точностью, и услышав в ответ, что она хотела бы услышать все в подробностях, я перевел ей буквально все, что рассказал мне офицер.

Генриетта, с благородной откровенностью, смешанной,

однако, с некоторой долей стыда, все мне подтвердила. Относительно того, чтобы удовлетворить наше любопытство, поведав нам свои обстоятельства, она просила меня сказать офицеру, что он должен избавить ее от этого.

– Скажите ему, – сказала она, – что то же правило, что запрещает мне лгать, не позволяет мне говорить правду.

Что же касается тридцати цехинов, которые он решил дать ей при расставании, она просила меня сказать ему, что абсолютно точно она не возьмет ни су, и что он ее обяжет, если не будет настаивать.

– Я желаю, – продолжила она, – чтобы он позволил мне поселиться одной там, где я захочу, чтобы забыл меня до такой степени, чтобы не стремиться узнавать в Парме, что со мной стало, и чтобы он делал вид, что не знает меня, если случайно со мной где-то встретится.

Сказав мне эти ужасные слова тоном настолько серьезным, насколько и нежным, и без малейшего волнения, она обняла старика с чувством, в котором проглядывало нечто большее, чем нежность. Офицер, который не знал, какие слова сопровождали это объятие, был очень огорчен, когда я ему их перевел. Он просил меня сказать ей, что, подчиняясь ее приказу, он хотел бы быть уверен, что она получит в Парме все, что ей нужно. Не ответив ни да ни нет, она сказала мне только попросить его совершенно не беспокоиться на ее счет.

После такого объяснения наша печаль стала общей. Мы

оставались такими с четверть часа, не только не разговаривая, но даже не смотря друг на друга. Поднимаясь из-за стола, чтобы уйти, пожелав им доброй ночи, я увидел, что лицо Генриетты вспыхнуло.

Направляясь спать, я стал спорить сам с собой, как делал всегда, когда меня интересовывало что-то, волновавшее меня. Обдумывать дело молча меня не удовлетворяло; Мне нужно было говорить; возможно, в этот момент я советовался со своим демоном. Абсолютно ясное объяснение Генриетты меня растревожило. Кто, наконец, эта девушка, – говорил я в воздух, – которая соединяет в себе тонкость чувств с видимостью большого распутства? В Парме она хочет стать совершенно сама себе хозяйкой, и у меня нет никаких оснований льстить себе, что она не предложит мне те же правила, что и офицеру, с которым сейчас связана. Бог его знает! Кто она, в конце концов? То ли она уверена, что найдет своего любовника, то ли у нее в Парме муж, либо respectable родственники, или в необузданной фантазии безграничного вольнодумства, полагаясь на свои достоинства, она хочет испытать фортуна, бросившись в самые отчаянные обстоятельства в надежде, на свое счастье, найти любовника, который способен бросить к ее ногам корону; это был бы проект от сумасшествия, либо от отчаяния. У нее ничего нет, и, поскольку ей ничего не нужно, она не хочет ничего взять у этого офицера, от которого могла бы получить, не краснея, некую сумму, которую он, некоторым образом,

ей должен. Не краснея в обстоятельствах, в которых она с ним находится, не будучи влюбленной, какой стыд может она испытывать, получив от него тридцать цехинов? Не думает ли она, что предаваться мимолетному капризу незнакомого мужчины, — меньшая низость, чем получать помощь, в которой она должна испытывать абсолютную необходимость, для того, чтобы гарантировать себя от нищеты и опасностей, которые она может встретить в Парме, оказавшись на улице? Она надеется, быть может, своим отказом загладить перед офицером неверный шаг, который она совершила. Она сочла, что он решит, что она совершила его, лишь чтобы вырваться из рук человека, который владел ею в Риме; и офицер не мог думать иначе, потому что не мог себе вообразить, что она неодолимо влюбилась в него, глядя из окна в Чивитавеккиа. Она могла, конечно, оказаться права и оправдаться перед ним, но не передо мной. Она должна понимать, с ее умом, что если бы не влюбила меня в себя, я не уехал бы с ней, и она не могла игнорировать тот факт, что у нее есть только одно средство заслужить также и мое прощение. У нее могли быть достоинства, но не такого рода, чтобы помешать мне претендовать на обычное вознаграждение, которым женщина должна воздать желаниям любовника. Если она полагает, что может разыгрывать добродетель со мной и дурачить меня, я должен показать ей, что она ошибается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.